

6 КРУГОЗОР 72

На многолетнем жизненном опыте все народы страны убедились, какие богатые плоды дает сплочение их в Союзе Советских Социалистических Республик, какие широчайшие возможности оно открывает в будущем.

**Из Постановления ЦК КПСС
«О подготовке к 50-летию образования
Союза Советских
Социалистических Республик»**

Гульчехра ДЖУРАЕВА

С высоты
Гостиницы «Москва»
На Москву смотрю как бы впервые.
Замирают на губах слова,
Словно и у них — сердца живые.
Разглядеть пытаюсь на весу
Все, что до сих пор не разглядела.
Распласталась улица внизу —
Теплое и дышащее тело.
Вижу вены четкие дорог.
Влево,

вправо,
и назад,

и прямо
Льется нескончаемый поток
Жизни, торжествующей упрямо.
Цепенеет пораженный взгляд,
Сам себе довериться боится...
Бьется сердце Родины,
кипят

Улицы...
Не знает сна столица.

**Перевела с узбекского
Ринна Казакова**

ЗОЛОТАЯ ЗВЕЗДА ГЕРОЯ

Вечно зеленый сад

Среди председательских дел
Героя Социалистического Труда
Михако Орагвелидзе — забота о саде,
заложенном в честь дружбы
грузинского и украинского
колхозов-побратимов. Об этой дружбе
говорил с трибуны
XXIY съезда КПСС
другой председатель —
Иван Мазунов.

Вот эти четыре — невзрачные. Один даже не гроссбух, а так себе — общая тетрадь. И бумага никуда не годится. Тот самый, который за 1946 год. До бумаги ли тогда было! Остальные — увесистые, переплетенные — исписаны красивой вязью и цифрами. Михако с крестьянской обстоятельностью собирал и хранил их. Тридцать четыре годовых отчета колхоза имени Орджоникидзе написаны его ру-

кой. Вся жизнь Михако — это колхоз в гурийском селе Шрома...

Мы шли в гору. Чайные кусты сменялись мандариновыми и апельсинowymi деревьями, затем вспыхивало усыпанное снежно-белыми цветами ткемали, тянулись вверх оранжевые ветки яблонь, готовы были лопнуть почки на вишнях.

— Видишь, — говорил Михако, — как мудро устроен мир: на одной земле живут разные деревья. Корнями уже, наверное, переплелись...

У сада своя история. Вспомнилась старая фотография в колхозном музее. 1938 год. Всесоюзная сельскохозяйственная выставка в Москве. Тогда еще стройный, подтянутый Михако Орагвелидзе и могучий украинец Федор Клименко обмениваются крепким рукопожатием. Только что подписан договор о социалистическом соревновании между колхозами села Шрома, Махарадзевского района Грузии, и села Ровное, Генического района Украины. В честь этого и посадили здесь, на склоне, первые деревья.

Приедут в Шрому колхозники с Украины — поднимается прутник яблони. А как не отметить награждение ровненской сельхозартеля орденом Ленина? Первый в стране колхоз, удостоенный высшей награды! В следующем, 1940 году еще одно деревце: труд колхозников Шромы отмечен орденом «Знак Почета»...

Сад дружны — его так и называют в селе — разросся, тугие ветки вспыхивают в небе, словно гроздь салюта.

Михако признался, что больше всего любит цветение мандарина. «Дерево моего детства», — сказал он. Наверное,

поэтому в радостный для него день, четверть века назад, он посадил именно мандариновое. В тот год Михако Орагвелидзе получил Золотую Звезду Героя.

Как учесть работу председателя? Ни скошенных гектаров (он ведь не сидит за баранкой трактора), ни собранных центнеров (не срывает же он чайный лист), ни надоенных литров молока (и за электродойкой никто не представит руководителя)... И все же есть «секрет» успехов Орагвелидзе. И молодой агроном Михо Мжаванадзе и старый учитель Соломон Чхаидзе одинаково говорили об этом: «Михако думает о людях. За ним куда угодно пойдут. Видишь, гора стоит. Попросит — горы не будет». Вспоминается один разговор в председателемском кабинете. Михако попыхивал сигаретой, вел неторопливую беседу с посетителем, разговор шел по-грузински. По интонации казалось, что речь шла о каких-то бытовых, малозначительных вещах. Ну, скажем, о здоровье, о погоде и т. п. Но когда посетитель ушел, удовлетворенный

Михако сообщил: «Договорился. Из Шромы до райцентра теперь будут ходить и автобус и такси...»

В душе Михако Орагвелидзе, как и все гурийцы, поэт. Он сочиняет стихи, песни, пишет книги о колхозной жизни. Любит ранним утром слушать шум моря... Но, думаю, Михако остался бы недоволен, если бы я стал утверждать, что для него это главное. Его талант в другом — растить людей. С ними он возделывает плантации,

строит мосты, дома отдыха. С ними он создал колхоз, имеющий годовой доход свыше двух миллионов рублей...

Мы поднимались на вершину. Михако изредка останавливался у чайных кустов, ловким движением срывал темно-зеленые листики, мял их в руках, нюхал и что-то тихо напевал себе под нос.

— Суровая зима была, понимаешь, — говорил Михако. — Вот смотри, там, где лощины, — больше желтых участков. Охо-хо! Мороз мандарины и апельсины прихватил...

На склонах блестили окнами двухэтажные дома колхозников.

— А там что за село? — показал я вдаль.

— Шрома, — ответил Михако.

— А там?

— И там Шрома! Понимаешь, отсюда, куда ни глянешь, — везде Шрома. Разрослось теперь наше село — тысяча дворов. А когда я начинал работать председателем, 360 было. Из наших краев никто не уходит в город...

Везде Шрома! А Шрома в переводе с грузинского означает «труд».

Меняется земля. От старого грузинского села Микелтабризли, утопавшего в грязи, окруженного болотами, в Шроме остался лишь старинный колокол. Церквушки давно уже нет, а колокол и сейчас висит на чаеприемном пункте четырнадцатой бригады.

На первой звуковой странице вы услышите этот колокол и связанную с ним историю. Мне рассказал ее председатель колхоза Михаил Филиппович Орагвелидзе.

В. СКОРЯТИН,

специальный корреспондент «Кругозора»
Фото автора

Начиная с 1952 года, когда наши спортсмены приняли участие в Играх в Хельсинки, не ослабевает интерес советских болельщиков к олимпийским достижениям, к победам отечественного спорта. На третьей звуковой странице — голоса героев Мельбурна, Рима, Токио, Мехико. С именами этих людей связаны

ГОЛОСА
НАШЕЙ
БИОГРАФИИ

ПРЕДВЕСТИНИК

самые яркие страницы в биографии советского спорта. Бегун Владимир Куц — чемпион Олимпиады в Мельбурне. Там же принёс «золото» нашей команде боксёр Владимир Сафронов. Гимнастка Полина Астахова была лучшей в упражнениях на брусьях на Римской олимпиаде. Анатолий Сасс — чемпион Олимпийских игр в Мехико на гребле в парной двойке. У Александра Иванюкова — титул чемпиона на вольной борьбе, завоеванный на Токинской олимпиаде. Выдающиеся советские спортсмены рассказывают о том, что помогло им одержать победы в самом почётном, самом трудном состязании — олимпийском.

Популярность Олимпийских игр в древности была столь велика, что греческие историки вели по ним летоисчисление, излагая события примерно так: «Фокейская война закончилась в первый день 108-й Олимпиады, когда в беге победил Полид из Фив».

Нынешние Олимпиады стали всемирным зрелищем: объективы телекамер способны «разместить» на трибунах стадиона жителей всех континентов Земли. Олимпийские игры, чей девиз: «Быстрее, выше, дальше!» — вершина, по которой измерится уровень развития спорта в мире и в каждой стране.

И все же они нечто большее, нежели просто состязание мускулов. Атлет-олимпиец — олицетворение тех привлекательных черт и качеств, которыми хотел бы обладать каждый. Но, кроме того, он еще и представитель своей страны, своего народа. В нем соотечественники хотели бы видеть воплощение национального духа. От своих подданных мы ждем проявлений советского характера, ставших нормой нашей жизни.

Почти двадцать лет любители спорта აღადируют Игорю Тер-Ованесяну. И не только за высокие достижения в прыжках в длину, но и за волю, настойчивость, мужество. Когда-то Игорь разбился, катаясь на лыжах с гор, но сумел вопреки заключениям врачей вернуться в строй. Мюнхенская олимпиада для него — витая по счету. Отдавая должное его опыту, товарищи по сборной зовут кандидата педагогических наук Тер-Ованесяна «профессором». В советской команде немало спортсменов с широким кругозором, молодых ученых, исследователей.

Участвовать в Олимпийских играх мечтает каждый атлет. Как начинающий певец — на сцене Большого театра, как космонавт — на полетах в космос. Но выступление на Олимпиаде не только великое счастье, а и великая ответственность. Лучшим из лучших уверяет страна защищать честь нашего спортивного стяга. Любое соревнование — борьба воли и характеров.

СПОРТИВНЫХ ПОБЕД

А Олимпийские игры — особое состязание. Закалка мужества у его участников должна быть двойной и тройной. Настоящим олимпийцем называют спортсмена, который всего себя отдал борьбе, сражался до последнего.

Настоящий олимпиец... Говоря так, мы вспоминаем Виктора Чукарина и Вячеслава Иванова, Валерия Поповченко и Александра Медведа, Галину Зыбину и Веру Крепкину и многих-многих других, кто завоевывал олимпийскую славу нашей Родины. Их лучшие черты мы хотим видеть у тех, кто сегодня надевает алые майки с гербом Советской страны. Среди них много молодых атлетов, «носящих в ранге маршалский жезл». Рядом, плечом к плечу, и «старая гвардия», испытанная во многих сражениях.

...Альпинисты знают: покорить круглую вершину в одиночку трудно, почти невозможно. Но штурм идут только в связке. Прочна капроновая нить, но еще надежней плечо товарища. Единая цель, взаимопомощь, готовность жертвовать собой — вот что помогает восхитителям отвоевывать метр за метром у неприступной, казалось бы, крутизны.

Примеры этому дают и олимпийцы. Не о личном успехе думал в Мехико мастер спортивной ходьбы Николай Смирнов в минуту, когда с повышенной температурой выходил на старт изнурительной 20-километровой дистанции в жару, на высоте

более 2 000 метров над уровнем моря. Все силы положил он на то, чтобы помочь победе товарища по команде — Владимира Голубничего. И сам завоевал бронзовую медаль.

Крут, труден путь к вершине спортивного Олимпа. И тем надежней, прочней, монолитней должна быть связка, название которой — олимпийская команда. Предпестником каждой ее победы стала массовость советского спорта, часто вызывающая изумление за рубежом, но привычная нам с детства, с секций во Дворце пионеров, знакомая каждому по заводским, колхозным или институтским

соревнованиям, наполняющая силой и здоровьем красочные праздники Спартакиады народов СССР. Массовость спорта — почва, на которой произрастают рекорды наших атлетов и олимпийская слава страны.

М. БЛАТИН,
спортивный
обозреватель

Вот так, с утренней зарядки, с первых тренировок в зале и на водной глади, начинались спортивные биографии нынешних олимпийцев. На Спартакиаде народов СССР они сдавали экзамен на мастерство.

Фото А. Бочина, А. Лидова.

Когда-то в Москве умер поэт, которого я очень любил. Его не стало, и ко мне пришло ощущение, что без него город сделался другим — изменились московские зимы и весны.

Неужели неземная
Одолела немота...
Без него —

зима иная

И Москва — не та, не та...*

В конце 50-х — начале 60-х годов из грузинской поэзии ушли три великих мастера — Галактион Табидзе, Георгий Леонидзе, Симон Чиковани. И опять остро и неизъяснимо почувствовал я, что Тбилиси, этот удивительный город, стал для меня каким-то другим, по-иному зазвучал, изменился в обличье.

Если встречи с Чиковани и Леонидзе были для меня земными платоновскими пирами и радость бесед с мудрецами осталась в сознании и сердце по сей день, то Галактион Табидзе возвышался, как храм, поставленный так высоко, что я слышал могучий гул его колоколов, но дальше врат так и не проник.

Я знал о нем: он родился в крестьянской семье. Поэтом стал очень рано. В шестнадцать лет читал свои стихи на одном из собраний революционной молодежи. В 1922 году он основал «Журнал Галактиона Табидзе», собирая все лучшее, что было в грузинской литературе.

Очень хорошо писал о нем Симон Чиковани, об особенностях его поэтической и человеческой натуры: «Его никогда не покидало святое беспокойство духа и тревога души, его никогда не посещало равнодушие и позорное благоразумие. Никто никогда не видел его заключенным из силового поля поэтических импульсов, его нельзя было заставить врасплох — не поэтом, — он никогда таковым не бывал. Душа его всегда металась, бушевала, не находила покоя и пристани. Он сам казался бездомным, настолько жизнь в целом стала ему домом и приютом, настолько он сросся с жизнью земли, воздуха, улицы, моря, ночи, света и тьмы».

* Из стихотворения, посвященного памяти Алексея Фатьянова.

И ВНОВЬ ИЗ ГОЛУБОГО ДЫМА...

В этом смысле Галактион Табидзе — голубого поддобен Блоку, воплощенному поэту, всецело служившему поэзии всю жизнь — от «Прекрасной дамы» до революционной поэмы «Двенадцать». Говорят, что Галактион Табидзе — поэт непереводаемый. В таком суждении, видимо, есть значительная доля истины. Его стихи хранят верность родному языку. И русский читатель лишь прикасается к его тайне, к правде его слова. Впервые я увидел Галактиона Табидзе в 1948 году. Кто-то представил меня: «Александр Межиров собирается перевести ваши избранные стихи». Галактион Табидзе посмотрел на меня не то рассеянно, не то лукаво. И сказал: «Весь грузинский народ тебе поможет». Много, долго и почти безрезультатно трудился я над переводами Галактиона Табидзе и однажды записал на полях перевода такие строки:

Кура, оглохшая от звона —
Вокруг нее темным-темно

Над городом Галактиона
Луны бутылочное дно.
И вновь из голубого дыма
Встает поэзия,
Она
Вовеки непереводаема —
Родному языку верна.

А совсем недавно выдающийся грузинский литературовед Георгий Маргвелашвили, сам поэт по сути и естеству, повел меня в Пантеон на гору Святого Давида. В Пантеоне похоронены Александр Грибоедов, Илья Чавчавадзе, Акакий Церетели, Николоз Бараташвили. Здесь погребен и основоположник советской грузинской поэзии Галактион Табидзе. Послушайте рассказ Маргвелашвили о любимом поэте на 6-й звуковой странице.

Галактион ТАБИДЗЕ ЛЕНИН

Город сегодня с утра взволнован. Сборища в каждом саду и сквере. Выситя Ленин над миром новым, Смотрит в лицо непогоды. Вихрь стучится в окна и двери. Людям открыт кругозор просторный. Страстно зывают к буре валторны. Кричат фаготы. В честь этих дней бокал подымаю, В гулах заводов рождается слава, Сдвинута с мест природа немая, Время пирует с нами. Ленин, явленье мощного сплава Трех революций, досель небывалых, В грохоте войн, в лавинных обвалах Он наше знамя. Тянет к нам руки свои, уповая, Из далеких снегов избенка, И отвечает ей вся боевая Дружба рабочего класса. Как по сердцам ударила звонко Самоотверженность этого часа: Всем угнетенным земли без изъятья — Наши объятья! Выше знамена и флаги подыдем, Кончилось время разрух и пожаров. Провозглашает вождь и товарищ Новые лозунги жизни. В пороховом разбеге дыме Сгинули беды, блокады и голод. Встаньте на ленинской вахте, кто молод В нашей отчизне!

1924 г.

Перевел с грузинского П. Антокольский

Богдан ИСТРУ
РАССВЕТ

Восхода светлые ресницы
Опять скользнули по холмам.
Вновь табуны летят, как птицы,
По голубеющим лугам.

Кричит призывно паровозик,
И поднял руку семафор.
Для добрых чувств распахнут воздух,
Для добрых дел открыт простор.

Открыта новая страница
Для бескорыстного пера.
И новая строка струится
В надежде славы и добра.

Струтся строчка в книге древней,
Что пишут миллионы рук
От века в городе, деревне,
Под шум дождя и вздохи вьюг.

Ее всегда и всюду пишут.
В ней нет пустых и мелких слов:
Одною жаждой правды дышат
Слова великих мастеров.

И не было еще на свете
Ясней и праведней письма.
Еще честней, чем строки эти,
Чем строки сердца и ума.

Истока не назвать годину,
Но человек в годину ту,
Слепой рукою взявши глину,
Впервые вылепил мечту.

Начало, робкие заметки.
Свет озаренья вечно свят.
Из тьмы веков седые предки
Потомкам внятно говорят...

Забытый мастер, грозный гений,
Проклятье бросивший судьбе,
Тебе, прошедший путь гонений,
Тебе я говорю, тебе!

К вам, безымянные ашуги
С поднятой гордо головой,
К вам, сотоварищи и други,
Я голос обращаю свой!

Вам, возводившим пирамиды,
Назло египетским пескам,
Умельцы дивные Охриды,

Оратай римский, —
вам,
вам,
вам!

Ваятель, сердце на ладони
Принесший людям всей земли...
От яда, козней, беззаконий
Вы все до срока в ночь ушли...

О, сколько света, сколько света
Сокрыто гробовою мглой!
Его собрать — и над планетой
Второе солнце бы возшло.

Но только малая крупца
Порою долетает к нам...
Читатель, пусть тобой хранится
Тепло к забытым мастерам...

Перевел с молдавского А. Радковский

Фрол
ВАСИЛЬЕВ

В сердце моем
До сих пор отдаются
Годы войны,
Словно эхо в лесу.
Не успеваю
Порой
Отвернуться.
Как в детстве,
Открыто роняю слезу.
Как быстро тогда
Наше племя взрослело
В работе,
В сумятице очередей.
Не знали мы жалоб
И делали дело,
Учились терпению
У матерей.
Без детства
Вся жизнь наша стала короче.
И оттого
Каждым прожитым днем
Мы дорожим.
И торопим мы ночи.
А отдых
Откладываем на потом.

Веселый осенний ветер,
О лете минувшем грезя,
По голым гуляет веткам,
Как будто по струнам крезя*.
И, как запоздалые птицы,
Слетаются
Стайками звоны.
Колхозному саду снится,
Что все еще он зеленый...
И в воздухе звонком
Волненье.
И словно нет грусти на свете.
И в золоте по колени
Гуляют и сад и ветер.

Перевел с удмуртского Э. Балашов

Дебора ВААРАНДИ

Цвины! — из-под стрехи сарая,
из пренебреженья,
из забвенья
долетает щебет ласточек —
сквозь железа скрежет,
сквозь дрожанье стекол,
сквозь оглохший камень,
как навязчивый мотив,
зимний полдень возмутив,
прорывается на волю.
И тогда — случается —
к праведному ужасу
шикающих всех колес,
всех сигналов жалающих,
всех гремящих рупоров,
всех мембран гудящих
ходит-бродит человек
с ласточкою в голове.

Перевел с эстанского Л. Миль
Рисунки А. Ганбурга

* Крезь — по-удмуртски гусли.

Последнее время меня увлекает мысль соединить в оратории, кантате и опере различные пласты грузинских народных песен в фольклорном звучании, вдохнув в них современное симфоническое развитие. Я уже пробовал это в опере «Миндия», в ораториях «По следам Руставели» и «Бараташвили». А теперь мне хочется написать оперу на шекспировский сюжет, используя прямые цитаты из грузинского музыкального фольклора. Замысел этот может показаться неожиданным. Но, с моей точки зрения, он органичен, поскольку даже не привыкший к этим напевам слух воспримет их как нечто единое с шекспировскими образами.

Мне кажется, путь композитора и должен быть таким — по-современному сложным и вместе с тем простым, национальным и вместе с тем близким каждому.

Разумеется, музыкальное фольклорное богатство неоднородно. Неисчерпаем, например, русский фольклор. А, скажем, немецкий много беднее профессионального творчества. Вряд ли он столь же ценное явление, как симфонии Бетховена, как музыка Баха, Вагнера...

Очень богат и грузинский фольклор. Главным образом это песня и хоровая музыка. Именно в них выявились музыкальное дарование и темперамент народа. Не случайно наш классик Захарий Палиашвили выразил свой талант в вокальных жанрах, соединив в музыке народные традиции с традициями русской композиторской школы и мировой музыкальной культуры.

О. ТАКТАКИШВИЛИ **НАПЕВЫ**

Грузинский песенный фольклор разнообразен и самобытен. Интонационная близость, пожалуй, ощущается с абхазскими и осетинскими песнями. Существует некоторая схожесть и с песнями басков, живущих на склонах Кантабрийских гор, на границе Испании и Франции. Есть предположение, что баски — потомки племен, в древние времена ушедших с территории Грузии. Близость баскского и грузинского фольклора больше всего чувствуется в песнях протяжных, в колыбельных.

Целый отдельный мир — наш городской фольклор. Через торговый город Тифлис проходило много различных путей, в нем скрещивались интересы многих стран. И городской фольклор вобрал в себя множество разноязыких интонаций, претворив их по-своему. Он стал, например, источником творчества замечательного армянского поэта и композитора Саят-Новы, певшего свои стихотворения.

Географически республика разнолика, и ее природные условия определили своеобразие музыкального фольклора различных областей.

Карталиния, например, область долинная, она и пост на протяжном широком басу, который как бы охватывает всю эту необъятную ширь полей, где, впрочем, глаз всегда находит горы, какую-то устойчивость. Кахетинские песни похожи на карталинские. Однако отличаются большей живостью.

С ними контрастируют песни Западной Грузии. Мингрелия — одна из самых красивых областей — отличается необычайной

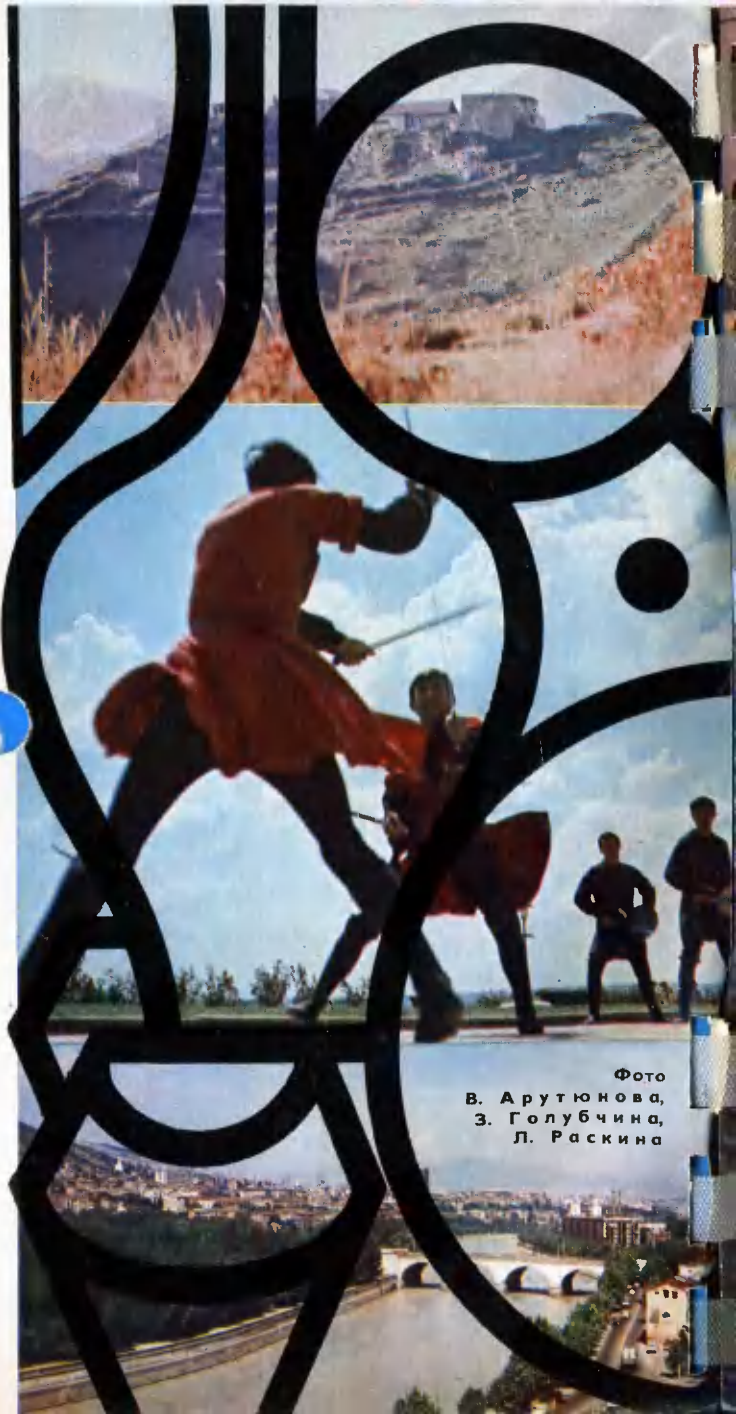

Фото
В. Арутюнова,
З. Голубчина,
Л. Раскина

лиричностью. Мингрельские колыбельные, некоторые старинные ритуальные песни, например, те, что пелись для исцеления больных, исполнены дивной красоты мелодии, мягкости звучания, напевности. Часто их пронизывает грусть, даже тоска, но она всегда просветляется, никогда не становится безысходной. А вот мингрельские плачи, плачи женщины над покойником, просто потрясают душу. Но можно встретить в этом фольклоре и мужественные образцы грудных песен, такие, как «Одойя» — целые картины труда.

Так же богата и очень разнообразна музыкальная фактура гурийских песен. Гурия расположена на зеленых горах, ныне украшенных чайными плантациями. В ее облике соединяются горный и долинный пейзажи. Гурия просто живет песней. Есть даже специальные сюиты с точным «распорядком». Например, правила гурийского стола. Все регламентировано — какая песня поется сначала, какая потом, как благословляют жениха и невесту на свадьбе, когда старикам петь, когда молодым. Иными словами, тут песня является силой, организующей этот праздник. Кроме того, в Гурии существовал обычай помощи соседей друг другу в уборке урожая. Труд становится легче с песней — она здесь вовсе не развлечение, а мобилизующая сила, задающая ритм труду.

Гурийские песни отличаются редкой полифоничностью. Тут и четырехголосье, а иногда даже шестиголосье. Гармоническое чутье фольклорных авторов достигает необыкновенных резуль-

на все времена

татов. Не все музыканты верят, слушая записи гурийских песен, что это фольклор.

А Сванетия? Сваны живут высоко в горах и сохранили многие древнейшие обычаи. Сванский гимн восходящему солнцу я считаю одной из самых сильных грузинских песен. Ее красота в первобытности, в какой-то угловатости, в сплыве статичности с динамикой. Пожалуй, в этом ее можно сравнить с современной скульптурой. Скажем, с работой Мухиной «Рабочий и колхозница», где при большой устремленности вперед, вверх есть необычайная статика символа.

Можно многое рассказать и о хевсурских и о шавских песнях. Они тоже кладезь для композитора и исследователя.

Мне запомнились слова Дмитрия Дмитриевича Шостаковича по поводу использования им песенного наследия в 11-й симфонии. Я тогда удивился смелости развития в ней революционных песен. Дмитрий Дмитриевич сказал: «Вы знаете, я вжилась в эти песни так, что стал воспринимать их как свои собственные». Это глубокие слова.

Только когда песня стала для композитора как бы своей, он может отважиться на разработку ее в крупном произведении.

На пятой звуковой странице нашего журнала — «Хоруми» и «Колыбельная» из кантаты О. Тактакишвили «Гурийские песни». Исполняет вокальный ансамбль «Рустави», большой хор и оркестр Всесоюзного радио и телевидения. Дирижирует автор.

Он делал четвертую в своей жизни операцию, когда началась война. На фронт пошел с последнего курса Московского медицинского института. В тылу врага тогда действовал кавалерийский корпус генерала П. А. Белова. Разведывательные рейды конногвардейцев навели уже на штабы нескольких гитлеровских дивизий. Он воевал в этой группе...

Через тридцать лет в Новосибирске я спросил Евгения Николаевича Мешалкина, не кажется ли ему, что в практике хирурга и жизни разведчика есть общее: тот же постоянный риск, точный расчет, когда не имеешь права ошибиться. И услышу в ответ: «Риск хирурга — особый риск, тут рискуешь не собой, а другой жизнью. Я знаю, что такое смерть. Зимой 1941/42 года она особенно близ-

кий психод операции, бодрость и хорошее настроение. Он разговаривает с их родственниками — женой или матерью ребенка. И он должен сразу же после операции выйти к этим людям и сказать, глядя им прямо в глаза, чем она закончилась. Без промедления, сразу же, потому что, истомленные предчувствием, люди хотят знать правду...»

Операция на сердце — единственная подчас возможность спасти человеку жизнь. Очень долго капали в него лекарства для атаки на сердечные пороки. В конце прошлого века немец Бильрот угрождал: хирург, рискнувший оперировать сердце, потеряет всякое уважение коллег.

В 1941 году наш соотечественник Иустин Джанелидзе уже приводил в систему

в аудиторию медицинского института. Профессор Лаврентьев читал второкурсникам лекцию по гистологии...

Со времени переезда его в Новосибирск (двадцать лет назад, когда он уже был доктором медицинских наук) можно вести отсчет биографии нового центра сердечной хирургии — сибирской школы кардиохирургов.

Большая часть операций в клинике Мешалкина идет без аппарата искусственного кровообращения, на «сухом» сердце, под гипотермией. Их преимущество в том, что они не требуют сложного оборудования, занимают минимальное количество времени, а значит, позволяют оказать помощь возможно большему числу больных. Это принцип школы Мешалкина. Кроме того, по наблюдениям профессора и его

ко подходила к нам, к тем, кто был за линией фронта. Она высматривала нас думками фашистских автоматов, загнанных в кусты смоленских лесов, атакуя нас в виде бомб, сбрасываемых с самолетов. Кто из тех, кому пришлось несколько месяцев бродить по пражским тылам, не видел ее перед глазами? И все же я могу утверждать, что чувство собственной опасности несравнимо с тяжестью ощущения хирурга, рискующего ежедневно чужой жизнью. Каждый день он разговаривает с больными, вселяет в них уверенность в благополуч-

ившейся в мире опыт первой тысячи таких операций.

Возраст советской кардиохирургии небольшой, но развивалась она стремительно. Уже в 1960 году за работы в области сердечной хирургии Ленинская премия была присуждена Мешалкину.

...Он был чернорабочим, потом конструктором. Закончил ФЗУ при заводе «Серп и молот». В должности механика пускал Челябинский тракторный. Собирался стать инженером. В Москве поступил на рабфак. Однажды в случившемся «окно» — отменили занятия — заглянул

служивающий предельно чуткого отношения, поскольку он болен, ищет сочувствия, быть может, даже отчаялся. Врачебный гуманизм — это целое мировоззрение, и будущий хирург должен обладать им прежде всего. И вдохновение обязательно! Быть ремесленником кардиохирурга так же недопустимо, как музыканту или художнику. Иначе можно сделать все очень правильно в деталях, но пользы от того больной по существу не получит. Будет потеряно чувство времени, ритма, и сил больного не хватит для операции».

Однажды Мешалкина спросили, сколько операций сделает он сам. «Избегаю отвечать на такие вопросы», — сказал хирург. — В нашем обиходе вообще нет фразы: «Я сделал операцию». Каждый, кто участ-

вует в диагностике, на любой роли в операции или после нее, может считать себя автором возвращенного больному здоровья. Мы работаем коллективно и, можно сказать, ненормированно. Как на фронте. Разве там хирург позволял себе, отработав у операционного стола шесть часов, уйти отдыхать, если его армия шла в наступление и раненых бойцов непрерывно привозили в медсанбат? Разве он не работал по шесть — восемь суток без сна?..»

Высокая требовательность к себе — это еще один принцип школы Мешалкина...

Н. ЖИГАЧ,

специальный корреспондент «Кругозора»

г. Новосибирск

Фото В. Чернова

учеников, подобные операции дают меньше всего осложнений.

Ни сам профессор, ни его ученики не делают большие и малые открытия в борьбе за здоровье человека привилегией только своей клиники. Отсюда выезжают бригады в различные города страны. Специалисты слушают в Новосибирске лекции заслуженного деятеля науки РСФСР Е. Н. Мешалкина.

В его клинике — продуманный до мелочей комплекс мер, цель которого — бережно подготовить больного к испытанию ради исцеления. И советы Мешалкина молодым коллегам проникнуты тем же: «Практическую деятельность хирурга определяет зрелость его гуманизма, способность ни на минуту не забывать, что объектом приложения его усилий является живой человек со всем своим необычным внутренним миром. Человек, тем более за-

2

высший класс в высшей школе

Четвертая звуковая страница приведет вас в конноспортивный манеж на тренировку к Г. Анастасьеву. Услышите вы и монолог Е. Петушковой, записанный в минуты, когда чемпионка мира по выездке и ее конь Пепел отдыхали.

Бывают редкие минуты, когда он смотрит на манеж и видит не то, что на нем происходит. Вдруг вспоминает тот военный год, когда он с товарищами перестраивал под манеж обычный гараж. Или выступления «его» конников — его воспитанников.

Как он волновался тогда!..

Рим, 1960 год. Первая золотая олимпийская медаль, завоеванная Сергеем Филатовым на Абсенте... Мехико. Успех Филатова повторил Иван Кизимов на Ихоре... А как он нервничал из-за команды! В командном зачете все было сложнее. Призы не давались. Лишь в Токио — «бронза». А спустя четыре года в Мехико команда впервые приблизилась к многолетним фаворитам из ФРГ, добившись «серебра»... Разве мало радости принесли ему ученики? В Аахене — «двойная» победа на первенстве мира: «золото» и в командном и в личном зачете стало наконец-то нашим!

А как он был горд, когда титул чемпиона мира по выездке впервые в истории завоевала женщина — кандидат наук Елена Петушкова...

Есть что вспомнить старому тренеру, неоднократно чемпиону СССР, заслуженному мастеру спорта Григорию Терентьевичу Анастасьеву.

За двадцать лет его работы сменялись, словно в гигантской эстафете, всадники советской сборной. Приходили новички, становились чемпионами — страны, мира. Призерами и победителями Олимпийских игр. Не менялся, казалось, лишь этот невысокий, подтянутый и сейчас, в свои 70 лет, человек в темном берете, в сапогах с кавалерийскими шпорами — наставник советской сборной по выездке...

Однако все ли знают, что такая выездка?

Сами спортсмены иногда называют ее фигурным катанием на лошади. По программе летних Олимпийских игр выездка входит в конное троеборье наряду с кроссом и преодолением препятствий. Кроме того, конники соревнуются в выездке и отдельно, как и в преодолении препятствий.

Стремительные скачки, прыжки через барьеры могут показаться более трудными для исполнения, нежели пляска коня в манежной езде. Это не так. Управляя лошадию во время кросса или преодоления препятствий, всадник, кроме собственного мастерства, надеется на инстинктивное стремление животного бегать и прыгать. Больше того, пятиборцы, например, проводят скачки даже не на своих лошадях, а выбирают их по жребью на месте соревнований.

Для манежной езды требуется воспитать в коне совершенно новые рефлексы, умение тонко чувствовать всадника, выполнять сложнейшие фигуры. Причем каждая такая фигура должна быть исполнена с безукоризненной точностью. Малейшее отклонение карается штрафными очками.

Как-то один скульптор сказал о своих педеврах: «Беру глыбу и отсекаю все лишнее». Нечто подобное происходит и с оценкой совершенства в выездке. С той лишь разницей, что все «лишнее», обернувшись штрафными очками, безжалостно отсекается судьями от идеальной вершины — 500 баллов. Достичь ее не удавалось еще ни одному спортсмену. Как говорит его ученица Елена Петушкова, выигрывает не тот, кто лучше всех выполнил программу, а тот, кто меньше допустил ошибок. Недаром выездку называют еще и высшей школой верховой езды.

Представьте открытый манеж шириной 20 и длиной 60 метров, огороженный невысоким заборчиком. Он размечен семнадцатью точками с буквенными обозначениями и разделен центральной линией. Вот здесь спортсмен вычерчивает запрограммированную геометрию высшего кавалерийского пилонажа. Без пауз, в определенном порядке, в отведенные десять минут. В соревнованиях строго учитываются сложность фигур и чистота исполнения всех элементов — простое ли это движение шагом, труднейшее ли пиаффе, когда конь на одном месте отбивает копытами ритм. Особо оцениваются поступь коня, осанка всадника, темп...

Выезжает всадник галопом на манеж и через 30 метров у точки «х» останавливает коня, чтобы приветствовать судей. Лошадь должна остановиться так, чтобы ее передние и задние ноги находились на одной линии. И замереть на 6 секунд: даже взмах хвоста «отсекает» очки. Это — только первое упражнение. А за ним следует еще 37 элементов программы Большого приза!

Перед каждым соревнованием тренировки становятся напряженнее. Вот и сейчас на манеже «великолепная семерка» — кандидаты в олимпийскую сборную. Анастасьев особенно внимателен и требователен: только три всадника (четвертый — запасной) составят на Олимпиаде советскую команду по выездке.

— Спорт — это вся жизнь Григория Терентьевича, — согласно говорят И. Кизимов, Е. Петушкова, И. Калита и другие его подопечные. — А во время соревнований мы вообще не видим тренера отдыхающим: мы еще спим, а он уже возле лошадей.

Валентин МАНИОН
Фото А. Бочинина,
А. Лидова

МОЯ ПРОФЕССИЯ ПЕСНЯ

СЛЫШАТЬ СЛОВО

На девятой
звуковой странице —
новые песни
Яна Френкеля:
песня
к кинофильму
«Чудак из 5-го «Б»
на стихи М. Львовского
и «В новогоднюю ночь»
на стихи
Р. Гамзатова
в переводе Н. Гребнева.

Говорят, старый друг лучше новых двух. Я считаю это несправедливым. Даже применительно к песне... Отчий дом для меня — песенный дом. В нем всегда звучали стихи, а значит, и песня. Стихотворение, которое нельзя петь, в Дагестане стихотворением не считается. Музыкальное начало для нас главное в поэзии. Это идет от старых традиций, от искусства ашугов.

Так вот, раньше я любил лишь старые аварские песни. Они прошли века, пришли ко мне. Я к ним привык... Теперь среди старых друзей много новых песен, тех, что пишут композиторы сегодня. Значит, дело не в том, стара или молода песня, а хороша ли она?

Хорошая песня дойдет до каждого сердца. Каждый услышит в ней что-то свое, родной напев.

Так пишет Ян Френкель.

Есть у него несколько песен на мои стихи, но я не могу сказать: «Я работаю с Яном Френкелем». Я с ним не работаю, я с ним просто дружу. И просто пишу стихи, а не слова песен. Не поэт ищет композитора, а композитор находит себе поэта, вернее, поэтов.

У Яна Френкеля удивительное поэтическое чутье. Он чувствует слово, чувствует, что для песни нужно, что для нее лишнее.

Например, ставшие популярными «Журавли» для меня были одним из многих стихотворений в большой книге. А Френкель его увидел, вернее, услышал. Они вместе с Марком Бернесом стали создавать песню. Очень точно выбрали в стихотворении главное. Внесли некоторые изменения. Чисто кавказское слово «джигит» заменили словом «солдат», и получилась песня, близкая и дагестанцу, и русскому, и украинцу...

Если бы редактор в журнале или издательстве что-нибудь изменил в моем стихотворении, я дрался бы за каждую строку. А когда речь идет о песне — сдаюсь, соглашаюсь с купюрами, с изменениями. У песни — свои законы. Раньше казалось, что многие стихи нельзя переложить на музыку. Владимир Маяковский, например, был в числе таких «неподдающихся». Теперь мы видим, что это возможно и получается отлично, если за дело берется истинный мастер.

На примере «Журавлей» я увидел, как стихи, переведенные на русский, превращаются в песню, сохраняя напевность первоисточника. Получился какой-то особый, «музыкальный» перевод. Я помню, в одном дагестанском ауле мне довелось наблюдать такую картину: эта песня звучала по-русски, и старики, неграмотные аварки, плакали, слушая ее...

Расул ГАМЗАТОВ
Фото А. Шмелева

Героиня новой повести, по профессии пианистка, в начале войны потеряла всех своих близких. Муж был убит на фронте, мать и дочь погибли при бомбежке. Сама она была тяжело ранена и, полтора года пролежав в больнице, стала искать работу...

И. ГРЕКОВА

Дом ребенка, куда мне дали направление, помещался в окраинном переулке, в одном из тех, где Москва перестает быть Москвой, где вылезает из-под ее облика провинция. Там стоят, развесив ветви, старые, душлистые домики, серо-лиловые, как всякая обветренная, мытая дождями древесина. На окнах домиков данью времени кое-где сохранились крестообразные бумажные наклейки — наивное средство против налетов, расцветшее и погибшее в начале войны. А сейчас было начало весны — слабое, солнечное начало; пахло землей, мокрыми ветками. Я шла переулком, опираясь на свою клюку, и меня радовало, как гибко и свободно идет от колонки женщина

ДОМ РЕБЕНКА

с ведрами, как плавно похаживает на ее плече коромысло, роняя светлые, полновесные капли. На деревьях целым кагалом картаво орал какие-то птицы, должно быть, грачи. Нищая, весенняя прелесть домиков, бумажных крестов, грачиных гнезд трогала надеждой, обещанием жить. Радиорупор на углу передавал что-то бодрое о положении на фронтах; под ним стоял, задрав голову, старик в обтрепанных валенках, и его борода сквозила на солнце.

Дом ребенка в конце переулочка, за высоким забором, тоже весь насторожился в ожидании жизни. В саду меж подтаявших, рябо почерневших сугробов парами ходили по дорожкам под присмотром воспитательницы очень маленькие, очень тихие дети. Они были одинаково, скромно и бедно, одеты в казенные ватнички. Дом был каменный, двухэтажный, в кольце террас, сплошь затканых плющом, усохшим за зиму, но жадно жelaющим жить. Когда я подходила к дому, меня поразил тихий хор маленьких, плачу-

щих голосов, доносившийся из одного крыла сквозь раскрытые форточки. Женщина в белом халате, с бадейкой в руках вышла из дому. Я спросила: «Что это?» — разумея тихий хор.

— Грудные плачут, — ответила она. — Ну, это так говорится — «грудные», а где ихние груди? Матерей нет — кто погиб, кто бросил. Наши все искусственники, на смесях растут. Рахит замучил, но ничего, боремся. А вам что надо, мамаша?

У нее было нежное, полное, желтоглазое лицо, чуть оттененное пушком у выпуклых губ.

— Мне заведующую, — сказала я, — меня, знаете, сюда направили на работу. Женщина засмеялась и махнула бадейкой, указывая, куда идти. Это могло означать: «тоже работников посылают»... «Нет, не возьмут, — подумала я, — кому я тут нужна?»

В сенях стояли батарейкой бутылочки с сероватым молоком, аккуратно заткнутые ватными тампонами. Дверь в кабинет за-

ведующей была открыта. Я вошла. Заведующая, очень немолодая, со складками заботы на желтом лице, считала на счетах. Я положила ей на стол свое направление.

— Сейчас, — сказала она, продолжая считать. — Не десять рук. Бухгалтер больна. А я здорова?

Мне было трудно стоять, я села. Щелк-щелк — говорили счеты. В окно светило солнце. Резная тень от плюща двигалась по столу, по желтым рукам заведующей. Хора грудных отсюда почти не было слышно, он звучал еле-еле, слабой музыкой жалобы, нотой печали. «Нет, не возьмут, — снова подумала я, — слишком здесь хорошо».

Заведующая кончила считать, отодвинула счеты и взяла мое направление.

— Арифметику знаете?

— Плохо, — ответила я, спешно припоминая таблицу умножения.

— Вот как и я. Дважды два еще знаю, а более высшего — нет. Мне грамотные сотрудики ох как нужны. Рабочие руки тре-

Из новой
повести

буются. А кого присылают? Только что не в гробу.

Я встала, собираясь уйти.

— Постой, не лотошись! — прикрикнула она. — Я не со зла, это у меня плач души. Надо же мне поделиться? Не делишься, не делишься и лопнешь.

Я молчала.

— В мое положение тоже надо войти. Нянек нет. Нюрка на завод возмечтала. Слесарей нет, ведра все прохудились. Молока не допросишься, сунут суфле. А от суфле какой рост? Я им говорю: дети, расти, говорю, им надо. А они: у всех трудности. Полавись они своими трудностями, тыфу! Все одна, кругом одна, помощников нет. С ума сойду, прямо в психическую, под душ Шарко.

Я молчала. Все правда, остается уйти. — Не входишь в положение... Ну, ладно, возьму. Ставка есть. Не козу же брать на эту ставку?

Так меня приняли в Дом ребенка на ставку музыкального воспитателя.

Странная была эта должность, эта ставка. И почему она существовала? Загадка. Казалось бы, рассуждая по разуму, война, всего не хватает, мало молока, мало хлеба, а тут музыка. И вот, поди ж ты, тоненький культурный ручеек, кем-то и когда-то задуманный, струился, помогал жить... В Доме ребенка имелся даже рояль, старенький, глубоко расстроенный, но со следами чистого, благородного тона. Я взялась за работу. Первым делом надо было позвать настройщика. По этому поводу мне пришлось выдерживать баталью с нашей заведующей Евлампией Захаровной. По ее мнению, звук был очень даже хорош. Но я подавила ее авторитетом, составившись на свое консерваторское прошлое. Отыскался и настройщик, замшелый старик, очень словоохотливый, который все время спрашивал: «Вы меня знаете?» — разумея под этим «Вы меня понимаете?». «Узнать» его было довольно трудно по запутанности его мыслей, одно было ясно: за работу он требовал бутылку. Опять бой с Евлампией Захаровной, которая вместо бутылки давала чекушку, то есть четверть литра. Старик был непреклонен, как министр державы-победительницы, и через неделю заведующая сдалась: «Твой верх». Откуда она достала бутылку, неизвест-

но. Эта женщина была хозяйственным гением: могла что угодно добыть, обменять, выклянчить. «Если б знать арифметику, я бы далеко пошла!» Одним словом, рояль был настроен. Я села за него со страхом. Руки, руки. Но они кое-как слушались. Я сыграла несколько пьесок из «Детского альбома» Чайковского. Когда-то очень давно я их разучивала, сидя у рояля с бантом в косе, мечтая о воле, о дворе, о «казаках-разбойниках», а меня заставляли играть, заставляли... «Болесны куклы», «Похороны куклы»...

— Ничего, — сказала заведующая, — бывает хуже. Все-таки инвалид.

— А «Катюшу» можете? — спросила Нюра, та самая полночиная техничка, которая в первый день махнула на меня бадейкой. — Я «Катюшу» сильно обожаю. Услышу — и плакать.

Я кое-как, по слуху подобрала «Катюшу». Нюра заплакала.

— Все-таки что значит образование, — сказала она. — Интеллигентность! Рожу сына — в консерваторию отдам.

Так началась моя вторая музыкальная жизнь. В каком-то смысле она была удачнее, чем первая. Понемногу день ото дня я становилась бойчее, начинала дерзать. Я не только играла, я пела! Детские песенки я извлекала все отсюда же, из глубин своего детства с бантом в косе. Вот эту песенку пела мне няня, эту маману...

Никогда я не думала, что маленьким детям так нужна музыка! Они впитывали ее, как сухая земля пьет воду. Даже самые маленькие, грудные. Когда был музыкальный час для грудничков, их высокие, белокрашенные железные кроватки, плоско застеленные, без подушек, вкатывали в залы, где был рояль. Грудные плакали, жалуясь на судьбу. Но как только я начинала играть, они замолкали и слушали. Их молочно-синие глаза глядели неопределенно-загадочно, наблюдая что-то недоступное людям, находящееся, может быть, даже у них за затылком. А некоторые поднимали крохотные руки с розовыми лучиками пальцев и играли ими,

как будто в такт. Те, что постарше, ползунки, понимали еще больше. Они стояли в своих манежах на слабых, гнущихся, еще не ходячих ножках и, цепляясь за перильца, так и тянулись к песне. Лучше всего было, когда они все вместе начинали петть, робко и нестройно гудя. Это ползунковое пение всегда трогало меня — не скажу до слез, слез у меня не было, — но до раздирающей внутренней дрожи.

А старшие, ходячие — года по полтора-два, — как они жадно толпились вокруг меня! Дети были бледненькие, ножки колесиком, по сравнению с домашними малютами. Многие из них не умели говорить, объяснялись знаками и птичьим щебетом... Но тут они оживлялись, повизгивали, каждый норовил стать поближе, уцепиться за мое платье. А какой-нибудь один, самый смелый, самый взрослый, дотигивался до рояля и трогал клавишу пальцем. Возникал звук. «Музыка», — говорила я, и они лепетали за мной трудное слово. Для них музыка была чудом, да она и была чудом. Рояль кряхтел, мои ограниченно-подвижные руки двигались неупорно, и все же это была музыка, как будто играла не я, а она сама, великодушно прощая мою неумелость...

В Доме ребенка понемногу ко мне привыкли. Иногда я помогала Евлампии Захаровне с арифметикой. Хороши были мы обе! А иногда, оставаясь после работы, я сопровождала няням, поварихам, а они пели. Положительно хороший голос был у Нюры — не голос, а колокол. В хоре он не просто выделялся, а царил, создавая другим богатырский фон. «Вам бы учиться, Нюра!» Она только рукой махнула. Она мечтала пойти на фронт, в крайнем случае на оборонный завод, но оставалась, жалась детей и заведующую, которую терпеть не могла, но все же любила. У этой Нюры был вообще парадоксальный характер. Она не была замужем, но решительно родить сына было в ней твердо: «Познакомлюсь и рожу».

В общем, своей работой я была довольна. Зарплата моя была маленькая, меньше, чем в техничке, но мне хватало. По должности мне полагалось питание, и я возвращалась домой с баночкой супа...

Рисунок А. Гамбурга

Когда, бывая в Тбилиси, я встречаюсь с Бубой Кикабидзе на улице, то чувствую, как лицо расплывается в улыбке, и мы, не сговариваясь, затягиваем задорную песню Бенжамена — легкое, певучее, волнующее все струнки души гай-тайя-тайя-тайя-та. Буба дал жизнь этой бесхитростной песенке из фильма «Не горюй!», точно так же как и своему герою, человеку открытого сердца и большой души — доктору Бенжамену Глонти. ...В Тбилиси Буба рос в Сололаках, на тихой улочке, вымощенной булыжником. Ранним утром его будил веселый ма-цонщик из Цхети. По всему кварталу

ансамбле, которым руководил ее брат — известный в Грузии музыкант Джано Багратиони. Ну, а если еще к этому добавить, что первую граммпластинку в Грузии записала бабушка Бубы — Ольга Амиразджиби, то слово «случайность» можно смело заменить словом «традиция» и все станет на свои места. Буба смеется: «Престиж семьи надо поддерживать». В кино он пришел уже сложившимся певцом, и мы увидели серьезного, вдумчивого актера. Кинорежиссер Георгий Данелия как-то сказал: «Все, кто в Тбилиси знает меня в лицо, хвалят «Не горюй!». Но знакомые моих знакомых выска-

КОММЕНТАРИЙ К РОЛЯМ АРТИСТА

Семейная традиция

неслось его протяжное: «Ма-цо-ни! Аба ма-цо-ни!» И после этого уже не хотелось спать. Следом кто-то предлагал зеленень, фрукты, выпялять яйца. Тетя Зарэ начинала поливать двор из шланга. С улицы тек теплый запах дров и свежеспеченного лаваша из горна, доносился монотонный голос радио — дядя Серапион уже делал зарядку. По зигзагообразной лестнице Буба скатывался во двор, и вслед ему с балкона неслось непереносимое: «Не смей пропускать уроков, я проверю...»

С детства Буба мечтал стать художником и вместе с другими дерзкими мальчишками студии Дворца пионеров собирался

бросить вызов Гогену и Брейгелю. Так было до девятого класса, когда однажды из любопытства он пошел в самодеятельный оркестр медицинского института и... втянулся.

Начал он с ударных. И нашел их дома: звон кастрюль, грохот сковородок возмущал покой тихого тбилисского двора. До сих пор ему снятся скандалы, кото-

рые маме закатывали соседи. А дядя Серапион говорил: «Из Бубы ничего не получится! Все дети как дети. Что-то учат приличное: химию, физику, математику. А этот с утра до ночи барабанит...»

То было время, когда в моду входили точные науки и спорт; по всему Тбилиси говорили о вундеркиндах, начала играть в шахматы Нона Гаприндашвили, на стадионе ахали болельщики, следя за финтами Миши Месхи. А Буба Кикабидзе поступил в институт иностранных языков и так же неожиданно, как начал играть на ударных, запел в любительских концертах. Он пел как будто на всех языках мира. И уже тогда начал вырабатывать свой рисунок, манеру, стиль.

Когда Бубу спрашивают, как он пришел на эстраду, он отвечает: «Случайно». Но так ли уж случаен его путь?

Буба рос без отца. В 1941 году горный инженер Кикабидзе ушел на фронт добровольцем и через год погиб в Керчи. Мать, певица, выступала в эстрадном

зали много критических замечаний. Кому-то не нравится, что актер Хвичия играет на шарманке, сидя на дереве. Ему, говорят, было бы удобнее крутить шарманку на земле. Или почему в картине фигурирует допотопный автомобиль, разве киностудия не могла обеспечить группу «Волгой», на худой конец «Запорожцем». И так далее. Но все в один голос утверждали, что несомненная удача фильма — Бенжамен в исполнении Бу-бы Кикабидзе».

Слава действует на людей по-разному. Самые скромные вдруг становятся недоступными. Но вот Кикабидзе до сих пор

все зовут домашним именем Буба, а не Вахтанг, как записано у него в свидетельстве о рождении. Как вы думаете, почему?

С недавних пор тбилисские конферанسه шуточно представляют: «Выступает Вахтанг фон Буба де Бенжамен...» Не будем отступать от этой новой традиции и мы. Вахтанг фон Буба де Бенжамен Кикабидзе комментирует свое пение на одиннадцатой звуковой странице «Кругозора».

Алина СИЛИКАШВИЛИ,
корреспондент радиостанции «Юность»,
Фото Н. Гнисяка,
В. Манешина,
В. Пищальникова

«Коллаж» — музыкальный коллектив, возникший пять лет тому назад в Таллине. Первое время группа исполняла преимущественно музыку XVIII века в манере, близкой французскому ансамблю «Свингл Сингера», потом увлеклась вокальными переложениями джазовых песен...

Однажды эстонское телевидение готовило передачу о народных обрядах и обычаях и пригласило «озвучить» ее молодого композитора Аарне Вахури, руководителя «Коллажа». Так появились первые пять обработок народных мелодий, в которых, твердо придерживаясь духа оригинала, Вахури использовал опыт и знания сегодняшнего времени.

Вслед за этой небольшой работой возникает замысел целой сюиты из народных мелодий.

И вот, погрузившись в изучение записей, сделанных эстонскими этнографами за последние полтора десятилетия, Вахури в конце концов отбирает шестнадцать из них, причем по поводу некоторых, ныне уже забытых, приемов исполнения

ему приходится консультироваться у таких тонких ценителей народной музыки, как композитор Вельо Тормис.

Несколько слов об участниках ансамбля. Их можно назвать, пожалуй, любителями-профессионалами. Четверо работают на радио. Так, руководитель группы Аарне Вахури — редактор отдела стереовещания, бас Ивар Йохансон — артист хора радио, альт Майре Элисте — редактор популярной в республике передачи, рассказывающей о музыкальном фольклоре, а другой альт — Анне Эрм — сотрудница эстрадного отдела. Первое сопрано Леа Сион — концертмейстер таллинского хореографического училища. Первый тенор Энн Томсон — редактор студии грамзаписи. А второе сопрано Катрин Мяги и второй тенор Олэ Валгма — студенты государственной консерватории. Название ансамбля раскрывает отчасти его метод.

Коллаж — это аппликация. На лист белой бумаги наклеиваются кусочки цветной, и возникает художественная композиция. Так и в творчестве ансамбля сопоставляются элементы фольклора, эстрадной и серьезной камерной музыки, а в ткань пьес иногда бывают «вмонтированы» фрагменты других записей.

Среди этой «аппликации» музыкальных жанров один пользуется особенной любовью исполнителей — старинные крестьянские песни Эстонии. На восьмой звуковой странице вы услышите три из них.

Арк. ПЕТРОВ

В плавании по широкому песенному морю.

На фото С. Муллы — участники вокально-инструментального ансамбля «Коллаж».

певец представляет песню

На десятой звуковой странице эстрадные певцы представляют свои новые работы. В концерте-пластинке каждым артистом исполняется одно произведение. О полубившейся песне рассказывает Аида Ведищева: — «Журавли» написаны композитором Эдуардом Ханком и поэтом Антоном Пришелем. Песня входила в программу, которая называлась «Поющие новеллы», и впервые на эстраде прозвучала в Горьком. Хотя сама по себе она не носит новеллистического характера, однако нашла точно определенное место в концерте — стала его лирической кульминацией. Это песня о любви к Родине.

Песню «Семеновна» комментирует Эдуард Хиль.

«Семеновна», сочиненная композитором Евгением Барыбиным на стихи Юрия Потгорельского, представляет собой этюд к большой сюите. Когда авторы задумывали песню, они не могли не вспомнить известную всем «Семеновну» — раскручивающуюся, как пружина, песенку-танец. Вместе с вами я представил себе свою, «живую» Семеновну. Это красавица крестьянка, которой подчас нелегко жилось, но она всегда умела работать от души и скрасить свой день веселой, искрящейся песней.

6(99) июнь 1972
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ
Год основания — 1964

ИЗДАТЕЛЬ:
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КОМИТЕТ СОВЕТА
МИНИСТРОВ СССР
ПО ТЕЛЕВИДЕНИЮ
И РАДИОВЕЩАНИЮ

На первой странице
обложки рисунок
художника
Н. Игнатова (Тбилиси)
«Спорт, спорт, спорт».

Режиссер
Н. П. Субботин
Художник
А. Я. Гамбург
Техн. редактор
Л. Е. Петрова

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

Адрес редакции:
113326, Москва,
Пятницкая, 25.

Телефоны редакции:
263-23-16, 263-24-40

Сдано в набор
28. IV. 1972 г.
Б 05858. Подп. к печ.
15.V. 1972 г. Формат
бумаги 60х84 1х12.
Усл. п. л. 1,24
Уч.-изд. л. 2,03
Тираж 450 000 экз.
Зак. 2910. Цена 1-руб.

Ордена Ленина и ордена
Октябрьской Революции
типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина
125865. ГСП. Москва, А-47,
ул. «Правды», 24.

Слушайте

в

номере:

1. Золотая Звезда Героя. «Набат». История, рассказанная Героем Социалистического Труда М. Орагвелидзе.
2. «Возвращение к жизни». Размышления хирурга Е. Н. Мешалкина о нравственном долге врача.
3. Голоса нашей биографии. «И рукоплескали стадионы». Говорят чемпионы Олимпиады.
4. «Как Пепел стал алмазом». Монолог чемпионки мира по выезде Е. Петушковой.
5. Премьера «Кругозора». О. Такишвили. Из кантаты «Гурийские песни» — «Хоруми», «Колыбельная».
6. «И поэзия прежде всего...» Репортаж Г. Маргвелашвили с горы Мтацминда. Переводы стихов Г. Табидзе читает Б. Ахмадулина.
7. Домашняя музыка. Е. Сорокина и А. Бахчиев исполняют фугу Моцарта и два полонеза Шуберта.
8. Первый оттиск. Из репертуара ансамбля «Коллаж»: «Приглашение в ночное», «Сон, приходи ко мне», «Когда приедем».
9. Новые песни Яна Френкеля в исполнении Т. Калининко и И. Кобзона.
10. Концерт-пластинка. Поют Аида Ведищева и Эдуард Хиль.
11. Актер у микрофона. В. Кикабидзе исполняет песни «Я не вижу солнца» и «Старый фаянсовщик» (Г. Цабадзе, М. Поцхишвили).
12. Эстрада планеты. Сара Моитель (Испания). «Продавщица фиалок» и «Ничего».

Звуковые страницы
изготовлены Всесоюзной
студией грамзаписи
фирмы «Мелодия»
и Государственным Домом
радиовещания и звукозаписи.

Есть целый музыкальный жанр, любимый в прошлом и почти забытый теперь, — сочинения для фортепьяно в четыре руки. Они создавались композиторами для домашней игры, что, впрочем, не означает, будто они легки в исполнении. В XVIII — XIX столетиях уровень любительского музицирования был настолько высок, что граница между любителем и профессионалом не была такой резкой, как мы к этому привыкли сейчас.

Музыку для фортепьяно в четыре руки создавали Моцарт и Бетховен, Шуберт и Шуман, Мендельсон и композиторы XX века — Рахманинов, Стравинский, Хиндемит. И если у современных авторов такие сочинения — редкость, то в творческом наследии мастеров прошлого они составляют немалую часть. Четырехручные фортепьянные ансамбли Моцарта и Шуберта — золотой фонд мировой музыки.

Среди дуэтов Моцарта и очаровательная юношеская соната ре-мажор (Моцарт сочинил ее для себя и сестры), и поздняя трагическая соната фа-мажор («грандиознейшее, зрелое, глубочайшее произведение, полное проблематики и пессимизма», — пишет о ней в своем «Этюде о Моцарте» Г. Чичерин), и фуга соль-минор с редкой для его музыки полифонией баховского письма; однако и тут автор узнается по типично «моцартовскому» звучанию темы.

Но, пожалуй, никто не создавал столько четырехручной музыки, сколько Шуберт. Его сочинения почти не исполнялись публично. В Вене был объявлен один-единственный концерт, и тот состоялся за полгода до смерти композитора. Зато вечерами в кругу друзей, на встречах, которые так и назывались — «шубертиадами», его музыка звучала постоянно. Она здесь же и создавалась, как свободная импровизация, как разговор с людьми, близкими по духу.

Шуберт — художник Вены, а в Вене в те времена ганцевали везде и всюду: дома, в пригородных кабачках, в тенистом парке Пратере. Его полонезы то торжественны, как бы открывают бал, то изящны, с оттенком сказочности, фортепьяно в них звучит, как челеста или стеклянная гармоника, напоминающая о рождественской елке, образах «Щелкунчика» Гофмана... Лишенный возможности слышать исполнение своих симфонических произведений, Шуберт порой использовал ансамбль для фортепьяно в четыре руки как своеобразную замену оркестрового звучания. Поэтому среди его дуэтов встречаются и крупные драматические сочинения, задуманные явно для симфонического оркестра. Например, фантазия фа-минор или Большой дуэт. Шуман впоследствии утверждал, что второе произведение — эскиз к симфонии, утеринной, по-видимому, навсегда.

Е. СОРОКИНА, А. БАХЧИЕВ

Преподаватель Московской консерватории Елена Сорокина и лауреат Международного конкурса пианистов Александр Бахчиев, которых вы видите на фото Л. Лазарева, начали свое знакомство с четырехручными произведениями Моцарта и Шуберта дома, играя для себя. Открыв огромное богатство и красоту этой музыки, они вынесли ее на концертную эстраду. На седьмой звуковой странице журнала записана фуга соль-минор Моцарта и два полонеза Шуберта (ре-минор и фа-минор).

ЗАБЫТЫЙ
ЖАНР

В ЧЕТЫРЕ РУКИ

САРА МОНТЬЕЛЬ

12

Цена 1 руб.

ЭСТРАДА ПЛАНЕТЫ Испания

Кинокритики утверждают, что она самая популярная актриса испанского кино. Музыкальные критики ставят ее в ряд лучших эстрадных певиц Испании и сегодняшней Латинской Америки.

Конечно, кино играет немалую роль в ее жизни: начав сниматься в пятнадцать лет, Сара сыграла уже более двух десятков ролей. Правда, фильмы разнятся только песнями, сюжеты же, как правило, мелодраматичны и сентиментальны — про музыкально одаренных Золушек, в финале непременно становящихся признанными звездами эстрады. Интерес к этим фильмам подогревается исключительно участием в них Сары Монтьель. А ведь ее актерские данные (мы могли почувствовать их в отдельных эпизодах таких лент, как «Королева «Шангхейера» или «Мое последнее танго») дают возможность ставить и глубокие психологические картины.

На экране Сара всегда поет. Поет она и на эстраде. Красивый голос, умение прекрасно двигаться, танцевать, жить в песне — вот отличительные стороны ее дарования.

Монтьель родилась в крестьянской семье. Отец ее был арабом, принявшим католичество. В одиннадцать лет девочка сбежала из дома в Мадрид. Получила приз на конкурсе детей-певцов.

После окончания академии музыкального искусства ее заметили. Радио, театр, затем телевидение, крупные эстрадные площадки. Наконец, внимание кинематографистов. Но, как ни странно, настоящее признание пришло к актрисе лишь после дебюта в Мексике.

Сара Монтьель очень тщательно отбирает песни для своего репертуара, заполняя его в первую очередь народной музыкой. Ее драматический талант и музыкальность особенно ярко проявляюгся в исполнении фламенко, болеро, танго...

Н. ЛАГИНА